

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–68

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>

EDN: WZBURE

Научная статья

УДК 323.2

Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи

Н. И. Шестов , А. А. Вилков, А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

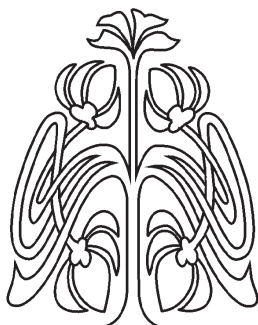
Аннотация. В статье обоснована разница между политологическим и социологическим подходами к анализу политических идентичностей молодежи. Авторы приходят к выводу о том, что социологический подход в большинстве случаев предполагает, что политические идентичности граждан анализируются и интерпретируются исследователем как актуальные на момент проведения социологического исследования в качестве ресурса и инструмента политического самовоспроизводства социальной системы. Политологический же подход подразумевает, что политические идентичности изучаются в ракурсе вероятных и необходимых изменений в их содержании, а также тех политических рисков, которые могут возникнуть по следам таких изменений. В целях повышения точности прогнозирования дальнейшего политического участия молодых граждан политологу важно выявить, каким молодой человек видит свой личный вклад в осуществление изменений идентичности либо в противодействие таковым, какими смысложизненными ориентирами он готов поступиться ради участия в политике, а какими – нет.

Ключевые слова: политическая идентичность, молодежь, политологический подход, социологический подход, Россия

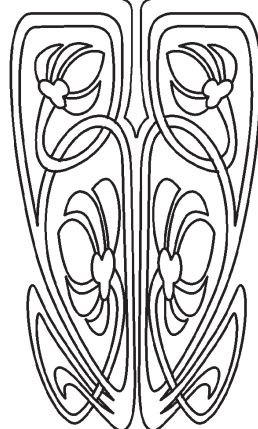
Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Specifics of political science interpretation of political identities of young people

N. I. Shestov , A. A. Vilkov, A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. The article substantiates the difference between political science and sociological approaches to the analysis of political identities of young people. The authors come to the conclusion that the sociological approach in most cases assumes that political identities of citizens are analyzed and interpreted by the researcher as relevant at the time of conducting sociological research as a resource and tool for political self-reproduction of the social system. The political science approach implies that political identities are studied from the perspective of probable and necessary changes in their content, as well as the political risks that may arise in the wake of such changes. In order to increase the accuracy of predicting further political participation of young citizens, it is important for a political scientist to identify how a young person sees his or her personal contribution to the implementation of identity changes, or to counteract them, which life-meaning guidelines (s)he is willing to sacrifice for the sake of participation in politics, and which ones (s)he is not.

Keywords: political identity, youth, political science approach, sociological approach, Russia

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project “Features of the political identity of provincial Russian youth”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I., Vilkov A. A., Kazakov A. A. Specifics of political science interpretation of political identities of young people. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политических идентичностей молодежи была одной из самых актуальных в отечественном научном дискурсе в последние десятилетия. В современных условиях ее значение еще более возросло в связи с появлением новых факторов актуализации. Среди различных аспектов данной тематики в последние годы наибольшее внимание исследователей привлекает динамика различных структурных элементов политической идентичности и их мотивационной функциональности в качестве факторов участия представителей молодежи в различных сферах общественно-политической жизни страны [1–11]. Более того, центральное место в официально внедряемой в последнее время триаде «духовно-нравственные ценности» – «общероссийская гражданская идентичность» – «гражданское единство» некоторые ученые отводят именно общероссийской гражданской идентичности [12, с. 8]. Не случайно в этой связи, что большинство исследователей данной проблематики акцент делают на прикладных ее аспектах.

Вместе с этим сохраняют свою актуальность и многие теоретические вопросы, связанные с концептуализацией понятия политической идентичности ее структуры, соотношением с другими социальными идентичностями и т.д. [13–16].

На наш взгляд, особое значение имеет вопрос о том, чем изучение политических идентичностей молодых граждан нашей страны политологами может и должно отличаться от решения той же научной задачи представителями других наук, и прежде всего социологами. С формальной точки зрения для социологов социальные идентичности являются предметом исследования гораздо более естественным, чем для политологов. Это находит отражение в отечественном научном дискурсе, в котором доминируют именно социологические исследования особенностей социально-политической идентичности различных групп российского населения, в том числе молодежи [17].

В то же время многие представители других наук акцент делают на том, что проблематика социально-политической идентичности требует интегративного подхода с «позиций трансдисциплинарности» [18, с. 148]. Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов для обозначения сложности понятия идентичности и необходимости междисциплинарности ее изучения предлагают использовать термин «гибридность». По их мнению, «гибридная идентичность есть смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков, социальных практик в механизмах идентификации. Она основывается на социальной гибридации в виде гибридного социаль-

ного пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур как факторов формирования гибридной идентичности» [19, с. 17–18].

Междисциплинарный подход характерен и для зарубежных исследований, в которых продолжаются дискуссии по различным аспектам процесса идентификации различных социальных групп. На основе анализа широкого массива западноевропейских работ, посвященных анализу школьного и вузовского образования в качестве институтов воспроизводства политической элиты в различных странах, В. А. Гурторов, например, приходит к выводу, что «линейный процесс передачи социального статуса от поколения к поколению, подразумеваемый теорией социального воспроизводства, не может объяснить опыт студентов, которые не происходят из высшего сословия, но, тем не менее, достигают элитного статуса» [20, с. 202]. По его мнению, «анализ процессов эволюции образовательных стратегий, их адаптации к изменениям в социальной структуре, политике и новой институциональной среде, а также изучение влияния этих стратегий на системы образования на национальном и глобальном уровнях по-прежнему остаются одной из главных задач социальных наук, решение которых возможно только на междисциплинарном уровне» [20, с. 202–203]. Соответственно, на междисциплинарном уровне они должны быть исследованы и в качестве факторов политической идентификации учащейся молодежи в рамках карьерного роста и процесса прохождения различных социальных лифтов.

Междисциплинарный подход для политологов обусловлен тем, что у них нет собственного инструментария выявления структурных характеристик социально-политических идентичностей и их особенностей. Все, чем они пользуются для выполнения такой работы, заимствуется из инструментария социологов.

В такой ситуации актуальным, на наш взгляд, является обсуждение проблемы специфики политологических и социологических теоретических подходов к изучению молодежных политических идентичностей, особенно подходов к их интерпретации – иными словами, к наделению их смыслом социологического либо политологического предмета исследования. Потому что, если специфики в подходах нет, то получается, что политологи просто вторгаются в сферу компетенции другой науки. А

если специфика есть, то акцент на ней в политологическом исследовании, посвященном молодежным политическим идентичностям, представляется уместным и даже необходимым.

Необходимость внимания к упомянутой специфике обусловлена состоянием текущих исследовательских практик (в том числе на основе личного опыта авторов в качестве экспертов, оппонентов, рецензентов, членов диссоветов и редакционных коллегий). В минувшие годы для отечественных политологических трудов по проблематике участия граждан в политике нормой стало использование данных массовых социологических опросов и экспертных интервью [21]. Часто политологи сами разрабатывают анкеты и прочий социологический инструментарий под свои специфические научные задачи [1]. При этом они столь же часто просто копируют социологические исследовательские теоретические подходы и парадигмы. Более того, они и полученные результаты нередко интерпретируют точно так же, как это свойственно социологам.

С одной стороны, нет проблемы в том, что исследователь расширяет свой научный инструментарий. Ведь он делает это не просто так, а ради повышения качества результата своих творческих усилий, ради того, чтобы созданная им картина политических процессов и явлений была максимально полной и достоверной, чтобы авторские оценки и прогнозы опирались на как можно больший массив исходных данных.

С другой стороны (особенно если политологический текст насыщен социологическими материалами), возникает проблема научной идентификации уже самого этого текста: он является текстом политологическим или социологическим? Если политолог подготовил научную статью либо монографию, то снять остроту этой проблемы ему достаточно легко. Он может декларировать междисциплинарную направленность и соответствующий характер задач и методов своего исследования, и мало кто из коллег его за это осудит. Иначе дело обстоит с научно-квалификационными и грантовыми исследованиями.

Для первых междисциплинарность на практике всегда была не самой подходящей характеристикой. Например, диссовет в своем заключении по защите должен использовать критерии соответствия кандидатской диссертации вполне конкретной научной специальности. Несмотря на наличие формальных возможностей междисциплинарности, и диссоветы, и Экспертный совет ВАК ориентировались,

прежде всего, на соответствие действующим паспортам номенклатуры научных специальностей. Симптоматично, что в минувшие три десятилетия уточнение номенклатуры научных специальностей, по которым осуществляется подготовка квалификационных работ, в России стало почти перманентным процессом.

Для грантовых исследований междисциплинарность допустима с определенными оговорками, связанными с соответствующим уровнем профессионализма и научного задела участников научного проекта по заявленным специальностям. Но в решении о поддержке заявки многое зависит от отношения к этому моменту конкретного эксперта, оценивающего предполагаемый научный и практический результат реализации коллективом междисциплинарного гранта.

Тем не менее, в том и другом случае политологу необходимо как-то донести до сознания рецензентов и экспертов, что хотя он и использует методики современной социологии для получения нужной ему фактической информации и подкрепления ею своих выводов, но дальше интерпретирует и обобщает эти первичные данные уже как политолог. Эта проблема чаще всего решается использованием политологами от одной научной работы к другой стандартного порядка презентации своей методологии. Начинается все обычно с перечисления автором через запятую использованных им якобы «чисто политологических» и «основных» научных методов (системный, структурно-функциональный, институциональный и т.д.). А заканчивается все упоминанием о применении некоего «социологического метода». Однако какого-то самостоятельного «социологического метода» в реальности не существует. Используются разнообразные социологические методики сбора информации и методы ее интерпретации. Таким некорректным упоминанием «социологического метода» и якобы его использованием политолог фактически просто намекает потенциальным экспертам и критикам на то, что материалы чужих и своих соцопросов он в работе использовал, но не так, как положено было бы их использовать социологу в социологическом исследовании, и потому вероятные претензии к нему, что его тексты являются текстами социологическими, а не политологическими, совершенно беспочвенны.

Такая манипуляция с порядком презентации авторской методологии часто убеждает доброжелательных оппонентов и экспертов. Они соглашаются признать исследование со-

ответствующим какой-либо политологической специальности, даже если оно практически целиком основано на использовании результатов репрезентативных или экспертных опросов. Эксперты-политологи в этом случае больше ориентируются на политологичность формулировок цели и научных задач квалификационной работы, а также содержания выводов по ней. Но принципиально проблему разграничения между компетенциями политолога и социолога в изучении политических идентичностей молодежи это не решает. Недоброжелательного критика подобная манипуляция при подготовке квалификационной работы или написании отчета по гранту вряд ли убедит.

Убедить может специфический политологический подход к формулированию вопросов, адресованных респондентам, а также к наделению ответов на них определенным смыслом. Подход, отталкивающийся от обычной для современной политологии мотивации ее интереса ко всему, что происходит в самой политике, а также за ее пределами, в формально неполитических социальных практиках (религиозных, семейных, правовых и т.д.). Мотивация эта, так исторически сложилось, несколько иная, нежели у социологии.

Путем систематического осуществления «срезов» базовых социальных практик и накопления данных по таким «срезам» социология поддерживает общество и управляющую государством элиту в состоянии относительно полной информированности о наличии у них разнообразных материальных и духовных ресурсов для устойчивого существования и развития. Решение проблемы дальнейшего применения выявленного социологами (либо самими политологами на основе социологического инструментария) ресурса берут на себя уже политологи. Они используют эти данные для прогнозирования и проектирования будущих состояний жизни общества и властной элиты, а также сопряженных с такими состояниями выгод и рисков. Основательными политологические прогнозы и проекты являются как раз в меру того, насколько они учитывают упомянутые данные. В этом естественная зависимость результативности работы политолога от масштабов и качества работы социолога. Но этим в то же время определяется и различие компетенций двух наук в изучении социально-политических идентичностей.

Это разделение компетенций двух наук можно использовать для дифференцированного подхода к формулированию вопросов, с

которыми социологи и политологи идут к респондентам. Данное различие также является существенным для политологической интерпретации социологических данных. Социолог оценивает готовность респондента ответить на вопрос, кто в окружающем его социальном пространстве «свой», а кто «чужой», какие идеи и ценности «мои», а какие – «их». Ему важно выяснить масштаб распространения и меру устойчивости таких представлений. **Социологический подход подразумевает, что политические идентичности граждан анализируются и интерпретируются исследователем как актуальные на момент проведения социологического исследования в качестве ресурса и инструмента политического самовоспроизводства социальной системы.**

Политологу, вероятно, в развитие исследовательской программы коллег-социологов уместно будет задать своему потенциальному респонденту некоторые дополнительные вопросы. О том, например, какими он видит перспективы своей идентичности? О том, иначе говоря, желательна ли и возможна ли для него определенная перегруппировка в отношении «свой/чужой»? При каких изменениях в социальной значимости тех или иных ценностей и практик такая перегруппировка может состояться? А также выяснить (что важно для точности прогнозирования дальнейшего политического участия молодых граждан), каким молодой человек видит свой личный вклад в осуществление упомянутых изменений либо в противодействие таковым, какими смысло-жизненными ориентирами он готов поступиться ради участия в политике, а какими – нет.

Это те вопросы, ответы на которые способны дать политологу исходный материал для оценки готовности молодых граждан, а также общества в целом двигать политический процесс вперед, для определения вероятного направления такого движения и выявления сопряженных с ним политических рисков. Текущее состояние политических идентичностей молодых людей не может не интересовать политолога. Оно его естественным образом заботит и как гражданина, и как прогнозиста, которому нужны для его работы исходные данные, взятые не «с потолка». Но нужно ему это знание о текущем состоянии молодежных идентичностей для нахождения ответа на главный вопрос, а именно чем это состояние идентичностей может обернуться для российской политики и что можно и нужно сделать обществу и государству для того, чтобы негативные моменты

этой идентичности влияли бы на будущее страны меньше, а позитивные моменты – больше? **Политологический подход подразумевает, что политические идентичности изучаются исследователем в ракурсе вероятных и необходимых изменений в их содержании, а также тех политических рисков, которые могут возникнуть по следам таких изменений.**

Польза от такой спецификации теоретических подходов будет не только для политической науки. Польза будет и для политической практики. В советское время, например, политические идентичности молодого поколения «строителей коммунизма» тоже активно изучались отечественными специалистами. На тему успехов и недостатков в коммунистическом воспитании советской молодежи были написаны сотни статей и монографий, защищено множество диссертаций. Историками всесторонне и детально был обобщен и проанализирован опыт руководства КПСС соответствующей воспитательной работой органов государственного управления, ВЛКСМ и профсоюзов, иных общественных организаций. Идентичности изучались преимущественно по официальным справкам и отчетам официальных структур (ВЛКСМ, ДОСААФ и т.д.), занимавшихся организацией воспитательной работы с молодежью. Однако доказательная база таких публикаций и диссертаций включала в себя и материалы социологических исследований, осуществленных их авторами в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми в то время к социологической теории и практике. Эти исследования, при всей их естественной для того времени идеологической детерминированности, создавали в целом довольно оптимистичную картину политической культуры советской молодежи.

Однако на практике оказалось, что достаточно нескольких неудач во внутренней и внешней государственной политике «перестройки» во второй половине 1980-х гг., чтобы в ценностных основаниях этой культуры произошла инверсия, которая стала для советской науки и политической практики большой неожиданностью. Пришедшее в политику повзрослевшее поколение молодых «строителей коммунизма» поддержало в значительной своей части радикальные либеральные политические и экономические реформы. Вчерашние комсомольцы в одночасье стали идентифицировать себя не с коммунистическим проектом, не с опытом предыдущих поколений советских граждан, превративших СССР в великую державу, и даже не со своей собственной страной. Более важным

стимулом и ориентиром для них в деле формирования политической идентичности оказались «западные» либеральные ценности и успехи функционирования так называемых «обществ потребления».

Иначе говоря, картина политических коммунистических идентичностей в оценках советских специалистов выглядела вполне себе благобно. Но весь колоссальный объем накопленных гуманитарными науками фактических данных, характеризующих успех дела коммунистического воспитания молодежи, не позволил не только спрогнозировать упомянутую инверсию молодежных политических идентичностей, но и даже просто предугадать вероятность ее осуществления.

Как представляется, причина заключалась вовсе не в идеологической «зашоренности» советских аналитиков и их нежелании видеть очевидные вещи. Проблема была в самом теоретическом подходе к изучению политических идентичностей советской молодежи. Это был подход именно социологический. Такой, который предполагал, что коммунистическая политическая идентичность является для роста политического сознания молодого поколения советских граждан неким естественным, обусловленным законами истории и политики пределом. Коммунистическая идентичность есть тот идеал, достичь которого надо стремиться и отдельному человеку, и обществу в целом. Задача науки – установить пути приближения и меру продвижения советского общества и его молодых членов к этому идеалу, а не строить предположения относительно риска, что кто-то в этом идеале разочаруется.

В то же время, по логике такого подхода, и самому молодому советскому гражданину, и ученому, исследующему уровень «коммунистичности» мировоззрения молодого поколения, надо было понимать, что дальше этого идеала меняться и двигаться политическим идентичностям уже не нужно. Потому что меняться и двигаться им просто некуда далее той точки, которую символически маркировал в пространстве массовых социальных и социально-властных коммуникаций «Моральный кодекс строителя коммунизма» [22]. От науки требовалось изучать политические идентичности молодежи такими, каковы они есть, а не такими, какими они могут стать в случае изменения вектора политического процесса и ожиданий молодых людей относительно своего будущего в качестве членов другого социума и граждан другого государства. Вопреки этим установкам научно-

исследовательской работы и воспитательных практик, политические идентичности молодых людей на закате советской эпохи стали другими, пошли развиваться дальше пределов, установленных для них советскими идеологами.

Сегодня политическое воспитание молодых граждан России является одной из приоритетных задач государства. К решению этой задачи привлекается и отечественная наука. Для проведения научного мониторинга и анализа состояний молодежной политической культуры общество и государство привлекают большие силы и средства в ожидании практической отдачи. Суть ее видится в обосновании ответа на ключевые вопросы: что дальше может случиться с сегодняшними политическими идентичностями российской молодежи? Какими могут быть вероятные изменения и чем они могут обернуться для будущего нашей страны? Представляется, что работа политологов над совершенствованием своего инструментария в деле изучения молодежных политических идентичностей вполне могла бы содействовать рациональному использованию упомянутых сил и средств.

Список литературы

1. *Болотина И. И.* Состояние государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи РФ: теоретический и прикладной аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 92–105.
2. *Ильинова Н. А., Киреева И. В., Кукува Е. С., Шадже А. Ю.* Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 173–176. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.6.51949>, EDN: SBPSGG
3. *Капицын В. М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 45–66. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3>, EDN: PQWMDDB
4. *Пономарева В. А., Байракова И. В.* Политическая самоидентификация молодежи // Интернаука. 2023. № 2–2 (272). С. 40–42. EDN: QONVLK
5. *Рассторгуев С. В.* Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 89–96. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96>
6. *Самаркина И. В., Башмаков И. С.* Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>

7. Снегур М. Р., Войник А. А. Формирование перформативной национальной идентичности молодых россиян в политических практиках // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 4. С. 137–154. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2022\)4-08](https://doi.org/10.14258/SSI(2022)4-08)
8. Топчиев М. С. Региональная коллективная идентичность: категориальный и структурный анализ // Капский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 135–139. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_135
9. Фарахутдинов Ш. Ф., Ключева В. П. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты // *Siberian Socium*. 2022. Т. 6, № 3 (21). С. 92–106. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106>, EDN: WZGUWG
10. Чухин С. Г., Чухина Е. В. Сущность, структура и критерии сформированности гражданской идентичности // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2022. № 1 (233). С. 39–44. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-233-39>, EDN: RORQHA
11. Шамионов Р. М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20, № 1. С. 7–23. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>, EDN: DGMKWG
12. Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 2. С. 5–9.
13. Ерохин В. С. Философско-политический анализ понятия политической идентичности личности // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 2 (94). С. 31–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.4>
14. Осинина Д. Д. Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. Т. 12, № 4. С. 97–103. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103>
15. Ребров А. И. Теоретические подходы к формированию локальной политической идентичности в среде молодежи // *Youth World Politic*. 2023. № 1. С. 3–11.
16. Тищенко Р. В. Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 199–210. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)2-13](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)2-13)
17. Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения // *Siberian Socium*. 2023. Т. 7, № 1 (23). С. 29–44. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-7-1-29-44>
18. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // *Локус: люди, общество, культура, смыслы*. 2021. Т. 12, № 4. С. 144–154. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-4-144-154>, EDN: CEOXUK
19. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // *Гуманитарий Юга России*. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>, EDN: HVDEAS
20. Гуторов В. А. К вопросу об элитарных аспектах образовательной политики // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9, № 2. С. 185–206. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.8>
21. Антонова Е. В. Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2023. Т. 23, № 3. С. 336–348. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
22. Моральный кодекс строителя коммунизма. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s01/e0001529/index.shtml> (дата обращения: 02.11.2023).

Поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023